

15 ФЕВ 1973

Комната бывшего солиста Государственного Академического Большого театра СССР Бориса Григорьевича Страхова напоминает музей. Музей Ф. И. Шаляпина.

ТОЛСТЫЙ альбом фотографий Шаляпина, которые долгие годы собирал Борис Григорьевич. Здесь и малоизвестные фотографии. Одна с дарственной надписью: «На добрую память Борису Страхову. Шаляпин. 1919 год. Петроград»...

Театральная афиша о предстоящем в г. Павловске в 1919 году концерте Ф. И. Шаляпина.

Мечта любого из почитателей шаляпинского гения — фонотека, состоящая из записанных на магнитофонную ленту арий, романсов, русских народных песен в исполнении Шаляпина.

Прибор, напоминающий наушники, с гравировкой: «Слухофильтр Страхова».

И, наконец, пухлая папка с машинописным текстом — книга Страхова о Шаляпине.

Высокого роста, широкоплечий, с окладистой седой бородой, крепким рукопожатием, Борис Григорьевич напоминает русского богатыря. Под стать его внешности — звучный, низкий бас, которому в комнате Страхова стало тесно, когда Борис Григорьевич начал рассказывать о себе, об «экспонатах» своего музея, встречах с Ф. И. Шаляпиным.

— Федора Ивановича я впервые услышал в 1918 году в Петрограде на сцене Мариинского театра. Шаляпин исполнял партию Олоферна в опере Серова «Юдифь». Был я в ту пору, несмотря на юный возраст, скрипачом оркестра Мариинского театра. Пение Шаляпина потрясло меня.

Я потерял покой, мечтал вновь услышать замечательный голос и увидеть его необыкновенную игру. А через год свершилось чудо: у меня самого «прорезался» бас. Интересно, а что сказал бы Шаляпин о моем голосе? Я сказал себе: «Мой жизненный путь, моя будущая профессия зависят целиком от шаляпинского мнения». Но как увидеться с этим человеком? Пробриться к нему через плотный заслон различного рода театральных деятелей, да и просто почитателей было невероятно трудно.

Помог случай. Я родом из Луги, что неподалеку от Ленинграда. Однажды Шаляпин давал там концерт, а я гостил дома. На концерт я, конечно же, пошел, а там в перерыве, применяя различные уловки, говоря, что, дескать, заблудился, ищу знакомого артиста и т. д., пробрался за кулисы и, страшно волнуясь, вошел в артистическую.

Шаляпин гримировался перед зеркалом. Я боялся — рассердится, выгонит. А он буркнул: «Зачем пожаловал?». Узнав о цели моего вторжения, повеселел. Попросил что-нибудь пропеть. Я пропел несколько музыкальных фраз. Шаляпин поднялся с кресла: «Надо серьезно заняться вокалом, милый друг, и ты сможешь стать певцом».

Потом Федор Иванович извлек из коробки фотографию, где он был снят в роли Мефистофеля, быстро ее подписал и протянул мне. Я был вне себя от восторга. Вся эта сцена продолжалась 5—7 минут, но эти минуты казались потом вечностью, столько смысла было в них для меня.

С тех пор Борис Григорьевич не пропускал ни одного спектакля с участием своего кумира. Встречался и разговаривал с Шаляпиным еще три раза.

И каждый раз Федор Иванович дарил своему юному другу фотографию с надписью. А однажды подарил театральную афишу. Уже через много лет Б. Г. Страхов узнал, что театральная афиша, подаренная опытным артистом молодому, — старинный символический обычай. Он означает как бы передачу эстафеты.

И, следуя совету Шаляпина, Страхов поступил в Петроградскую консерваторию по классу вокала, стал артистом, а спустя два десятка лет — солистом ГАБТа СССР.

А позже артист совершил крупное научное открытие в... физике.

Вот как это произошло.

— В 1936 году я впервые услышал свой голос по радио.

Странное дело: голос мой, а звучит, как чужой. Значит, при записи я пел не так, как мне слышалось. Выходит, человек, поющий или говорящий, не слышит своего подлинного голоса во время пения или разговора? Как же работать артисту, если между его восприятием и восприятием слушателей пропасть? Нельзя ли преодолеть барьер, воздвигаемый природой между человеком и его голосом?

Словом, я понял, что не угомонюсь, пока не найду ответа на мучившие меня вопросы.

Засел за труды Павлова, Сеченова, Бехтерева. Читал все о поющих птицах. Брем и учебники по физиологии, медицинская литература и волновая теория звука. Багаж моих знаний постепенно рос...

Я приближался к познанию интересующих меня вопросов. Потом в один прекрасный день проехал на Птичий рынок и вернулся домой с кенарем и соловьем.

Дома меня перестали воспринимать всерьез. Чужаком называли мои занятия иколлегии по Большому театру. Я выслушивал мнение домашних и друзей и продолжал свое. Изучая механику птичьего пения, изгото-

вил чучело. Вычерчивал схемы распространения звуковых волн при пении человека, их отражения от стен, потолка и попадания в слуховой орган.

И вот разгадка проблемы: мы не слышим своего истинного тембра голоса из-за... ушной раковины.

Парадоксально, но факт: ушной рупор, находясь близко от внешней части источника звука — рта, значительно усиливает голос, отчего тембр искажается и приглушается. Так вот почему мы от природы лишены объективного слухового самовосприятия и не в состоянии подвергать звучание своего голоса сознательному контролю!

Кому из артистов не знакомо чувство беспомощности, которое он испытывает, выступая после длительного перерыва в большом помещении! Репетируя в учебном классе или дома в своей комнате, певец или декламатор приобретает особый про-

фессиональный условный рефлекс, связанный с привычным звучанием голоса. Когда же выходит на сцену большого помещения, то плохо слышит свой голос, «нажимает», форсирует звук, теряет свободу исполнения, быстро утомляется.

Теперь же, когда я наконец «докопался» до физической сути проблемы и пришел к заключению, что всему виной наши ушные раковины, стало ясно: нужен прибор, нейтрализующий их влияние. Этот прибор должен помочь звуку изо рта попасть в слуховые органы, минуя ушную раковину.

Теперь моим домашним предстояло узнать, что я не только доморощенный физиолог-физик, но еще и изобретатель.

На долгое время моя квартира превратилась в экспериментальную мастерскую. Столярный и слесарный инструмент, тиски, клей, заготовки пластика, картона, замши, брезента.

Ваш покорный слуга клепал, строгал, пилил, клеил, в общем изобретал. До тех пор, пока не сделал того, что хотел.

Получились в общем-то очень простые наушники. Сделанные из звуконепроницаемого материала, они не имели ни мембран, ни пьезоэлементов. На тыльной стороне круглых чашечек — отверстия для проникновения отраженных звуков голоса в слуховой орган. Теперь ушная раковина уже не мешала.

Свой прибор Борис Григорьевич назвал «слухофильтром». Человек улавливает чистый, словно отфильтрованный, собственный голос. Государственный комитет по делам изобретений и открытий квалифицировал прибор Страхова как изобретение, а крупные ученые-физики академики Н. Н. Андреев, А. В. Шубников и П. А. Ребиндер высказали мнение, что Страхов совершил научное открытие в акустике. Прибор был рекомендован не только для использования в учебном процессе подготовки певцов и декламаторов, но и для подготовки драматических артистов, лекторов, преподавателей, лиц, преподающих или изучающих иностранный язык, для людей, стремящихся избавиться от речевых дефектов (шепелявость, картавость, заикание и т. д.), для лечения голосовых связок путем специальных гортанных звуков, упражнений.

Прекрасные отзывы о слухофильтре дали известные певцы.

Положительное заключение дали из НИИ уха, горла и носа и Института звукозаписи.

Наконец Борис Григорьевич раскрывает папку, на которой крупными буквами выведено: «Ф. И. Шаляпин».

Эту книгу Страхов писал почти 20 лет.

— О чем вы рассказываете?

— О моих встречах с Федором Ивановичем, о его трактовке ролей царя Бориса, донна Базилло, Мефистофеля, Дон Кихота, Мельника, Грозного, Сальери, Варлаама, Торопки, Олоферна, вошедших в золотой фонд всемирного вокального искусства, о напряженной революционной ритмике петроградской жизни 1919—1923 годов.

Г. ЧЕРНИХОВСКИЙ.